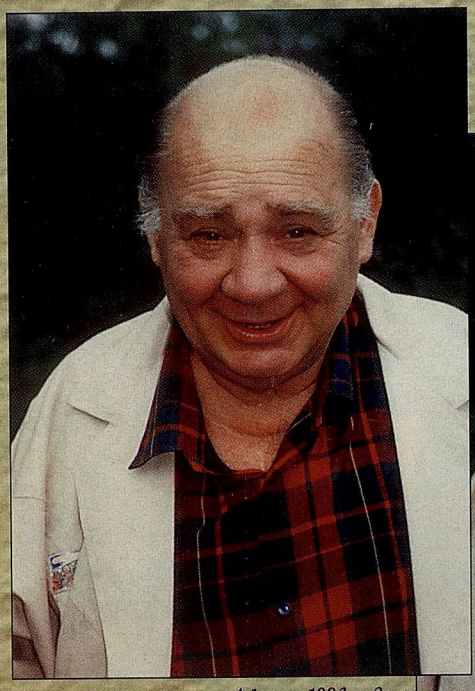
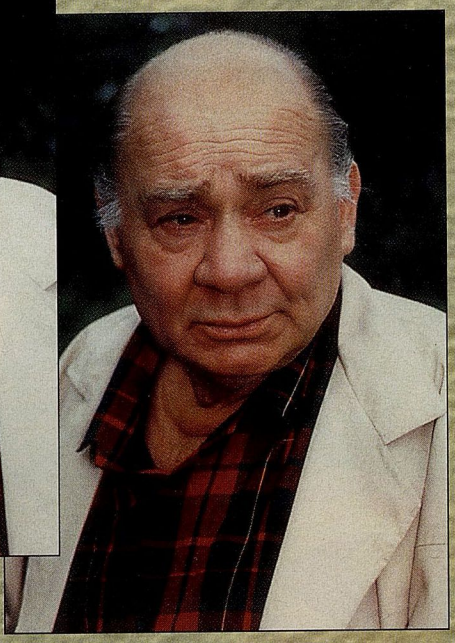
Леонов Евгений 29.01.95.

ГОД БЕЗ ЛЕОНОВА





Август 1993 года

Его считали комиком, хотя был он, скорее, актером трагическим, актером-философом. Мыслителем. Гуманистом. «Над смешными артистами с удовольствием смеются, но душа при этом не болит, с Леоновым — иначе», — сказал когда-то Марк Захаров.

Леонов и в самом деле, снимаясь в самых веселых комедиях, произнося входившие потом в устный народный фольклор реплики (вроде «Хорошо сидим!» или «Тостуемый пьет до дна»), побуждал к чему-то еще кроме смеха. За Леоновым большой социальный пласт людей не слишком счастливых, однако добрых, веселых, родных.

Леонов прожил две жизни. «До моей смерти и после» — так он сам делил прожитые годы на то, что было до клинической смерти, и то, что было после нее. О том, как немецкий врач «вытащил» его с того света, как сказал после операции сыну Евгения Павловича: «Пой песни и зови его назад. Если он услышит, может, и вернется», — много говорилось. Но вот то, что свою вторую жизнь он прожил иным человеком, чем первую, осознавал, кажется, только он сам. Он и играл по-другому: волею судьбы именно в эти годы ему досталась роль Тевье в «Поминальной молитве». Один из ленкомовских партнеров Леонова по этому спектаклю рассказывал мне, что на сцене в иные мгновения было страшно смотреть в глаза Леонова-Тевье. В них читалось что-то неведомое, страшное, доступное только тем, кто уже побывал на свидании с Богом и вечностью...

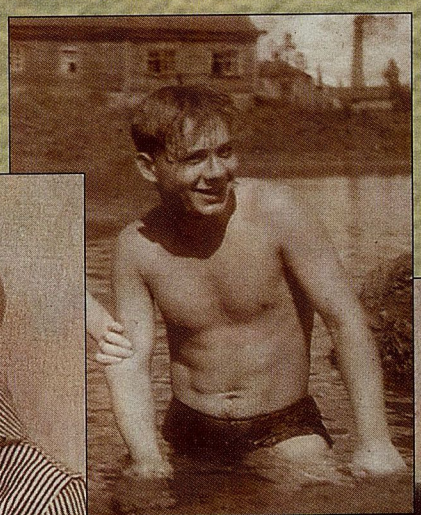
С актером А. Кочетковым. Кадр из последнего фильма «Американский дедушка», эпизод в фильм не вошел

ТВ Парк — 1995 — 29 янв — С 38

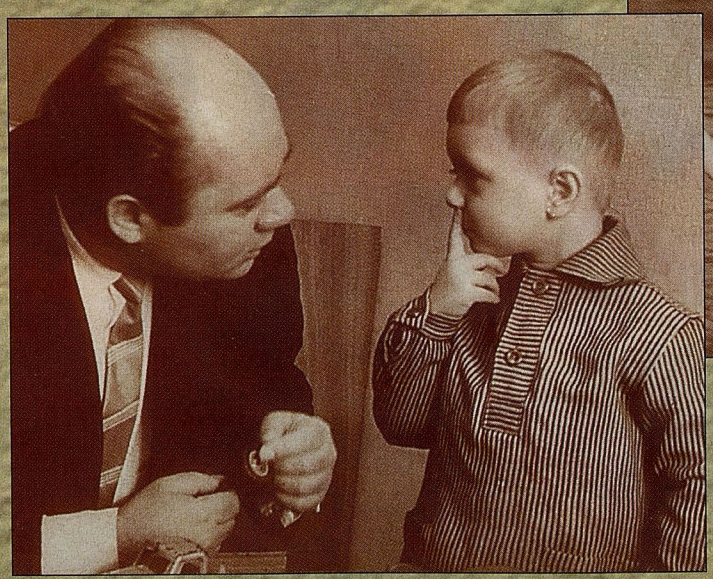
Леонов никогда не был веселым человеком. Вернее, был — в юности, а потом, со временем, становился серьезнее и мрачнее. А последние годы — это уже и не серьезность была, и не уход в себя, и не проявления нелюдимого характера. Скорее — понимание каких-то важных вещей о себе, о людях, о мире. «Прощение выше справедливости», — говорил он незадолго до смерти. Его мысли выламывались из привычной системы нравственных координат, на них можно было споткнуться, но потом становилось ясно, что они навеяны чем-то вовсе не актерским, а общечеловеческим.

Евгений Леонов в каком-то смысле всегда играл самого себя и всегда — на сцене и на экране — оставался самим собой. Всегда. Он потому и был так любим, что не стремился к стопроцентному перевоплощению. Только к пониманию. Только к состраданию.

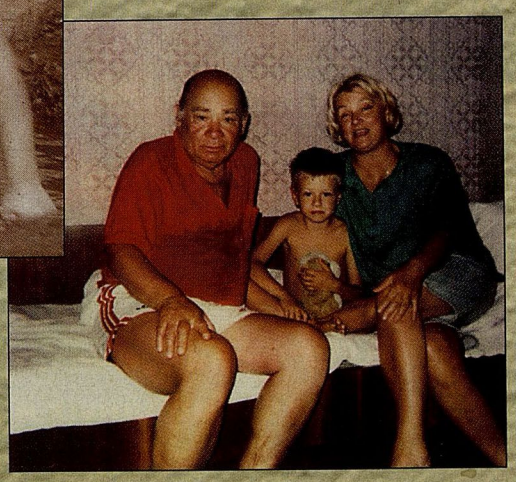
Александр Колбовский



С сыном Андреем. 1964 год



1950 год



С супругой Вандой Владимировной и внуком Женей. Ялта, 1993 год

Фото из домашнего архива Е. Леонова и фотографа Н. Сетханяна предоставлены редакции режиссером Тарасом Кудрицким

42